

Глава 44. Мир звероловцев

Чэн Янь стоял, словно громом пораженный, пока силуэт Чу окончательно не растаял вдали. Лишь тогда он пришел в себя и повернулся к Дуну.

Вождь стоял рядом — кряжистый, крепко сбитый мужчина. Его брови оставались плотно сдвинутыми к переносице до тех пор, пока Чу не скрылся из виду. Лишь тогда Дун тяжело, с какой-то затаенной горечью вздохнул.

О Чу он всегда был самого высокого мнения: тот был добродушен, прост в помыслах и обладал недюжинной силой. По праву этот воин считался одним из главных претендентов на место следующего вождя, и Дун искренне ему симпатизировал.

Однако решение об изгнании было принято единогласно всем племенем. И как бы лидер ни ценил подопечного прежде, он не осмелился бы пойти против воли народа, страшаясь вызвать всеобщее негодование.

— Чэн, пойдем обратно, — произнес Дун, прервав затянувшееся молчание.

Чэн Янь не шелохнулся. Он не выдержал и негромко спросил:

— Хвост Чу...

Дун, не придав этому значения, лишь недоуменно повел головой.

— А? О, ты о его хвосте... Ну да, он сейчас слишком слаб, чтобы полностью скрыть звериные черты. Ты ведь тоже...

На полуслове вождь осекся. На его лице отразилось неловкое замешательство.

— Прости, я не хотел тебя задеть, — вполголоса добавил он. — Хотя ты и не можешь перекидываться, Чэн, ты всё равно остаешься нашим самым важным Уи. Твоя жизнь для племени ценнее, чем жизни десятка лучших охотников!

Чэн Янь не сразу нашелся с ответом. Не зная, как реагировать на подобное сочувствие, он лишь выдавил:

— Спасибо.

Собеседник, чувствуя, что сболтнул лишнего, виновато похлопал юношу по плечу.

Память носителя подсказывала: Чэн унаследовал звание Уи от своего отца. Он тоже был зверочеловеком, но уродился столь хилым, что не мог принять истинный облик. Во всём племени никто не знал, в какое именно животное должен был превращаться их шаман.

«Ничего удивительного, — подумал Чэн Янь. — В который раз за эти три жизни мне достается столь слабое тело»

В этом мире зверолюди могли свободно переходить из человеческого облика в звериный. Человеческое тело дарило им ловкость, тогда как звериная форма наделяла мощью для охоты и сражений. Однако если зверочеловек был ранен или истощен, он переходил в состояние «полузверя» — сохранял человеческий облик, но не мог полностью скрыть звериные атрибуты.

Хвост, который только что видел Чэн Янь, явно принадлежал леопарду. Нетрудно было догадаться, кем являлся Чу в своем истинном облике. Большинство воинов племени были воплощениями хищников; сам Дун, к примеру, превращался в тигра.

— Вождь, — осторожно спросил Чэн Янь, — раз я не могу перекидываться, как все поняли, что я зверочеловек, а не полузверочеловек?

Внешне обе касты выглядели как мужчины, разве что зверолюди обычно были крупнее и сильнее, а полузверолюди — изящнее и ниже ростом. Впрочем, исключения встречались нередко.

Дун добродушно усмехнулся:

— Ты принял звериную форму лишь однажды — сразу после рождения. Ты был крошечным розовым комочком, даже без шерстки, просто горстка розовой плоти. Твои родители позвали самых мудрых знатоков племени, но и те не смогли понять, что ты за зверь. Сказали, нужно ждать, пока подрастешь.

— Розовый комочек?.. — переспросил ошарашенный юноша.

Дун расхохотался:

— Ты еще молод и редко видел новорожденных зверолюдей в их истинном виде. В колыбели мы все поначалу выглядим как подобные зародыши.

Чэн Янь решил не углубляться в этот вопрос. Когда носитель вырос, его тело оказалось слишком слабым даже для частичного превращения, так что тайна его звериной сути так и осталась нераскрытой.

— Чэн, — добавил Дун, — пусть ты и не похож на других воинов, ты — Уи. Я слышал, многие полузверолюди мечтают родить от тебя детей. Вот увидишь, на Празднике осеннего костра

тебя завалят признаниями!

Чэн Янь лишь вежливо улыбнулся. Он понимал, что Дун просто пытается его утешить. Вождь порой бывал излишне нерешительным, но в доброте ему нельзя было отказать.

— Ладно, мне пора, — сказал юноша. — Если что-то случится, ищи меня в пещере.

Дун кивнул и, широко улыбнувшись, попрощался.

Чэн Янь не слишком расстроился из-за своей немощи — в конце концов, он к этому привык. Скорее он даже радовался, что не стал полуживотным, ведь это избавило его от перспективы однажды забеременеть.

Если бы условия позволили, он бы с интересом изучил, как именно полуживотные вынашивают потомство и каково их внутреннее строение. Животные тоже были крайне любопытны: из-за слабости тела прежний Чэн всегда оставался в племени и не участвовал в охоте, поэтому никогда не видел самого процесса трансформации воинов. Поговаривали, что они способны перекинуться в одно мгновение — это чудо природы определенно стоило исследовать.

«Будь я хоть чуточку сильнее, — мелькнула мысль, — я бы и сам посмотрел, что за зверь во мне спит»

Возвращаясь к своей пещере, Чэн Янь попутно перебирал в голове познания в травничестве. Как выяснилось, медицинская система, унаследованная от отца — предыдущего Уи, была сущим хаосом. Знания ограничивались лечением простейших недугов и распознаванием нескольких видов трав.

У племени не было письменности, всё передавалось из уст в уста. В памяти прежнего Чэна названия многих растений перемешались, а их свойства безнадежно спутались. Охотники, получавшие тяжелые раны, обычно умирали, не добравшись до лагеря, а те, чьи травмы были легкими, выживали скорее вопреки лечению, чем благодаря ему. Однако даже при таком плачевном уровне мастерства Уи в племени глубоко почитали.

Чэн Янь невольно поморщился. Ему нужно было как можно скорее отыскать нужное средство и передать его Чу. Согласно памяти носителя, тот не испытывал ни малейшего желания спасти «этого противного воина» и просто растёр первую попавшуюся траву, прилепив её к ране.

В этом первобытном мире понятие врачебной этики отсутствовало как класс.

Пока он предавался невеселым размышлениям, он подошел к своей обители. Там его уже поджидал один из тех, кого память носителя считала самыми проблемными гостями.

«Какое совпадение», — обреченно подумал он

Услышав шаги, гость стремительно обернулся. Это был полузверочеловек. Чэн Янь еще не до конца научился различать касты по внешности, но этот индивид обладал крайне характерными чертами: его кожа была намного светлее, чем у соплеменников, а хрупкая, изящная фигурка была лишена всякой мускулистости. Черты лица казались тонкими, а влажные глаза напоминали ласковые весенние воды.

Заметив юношу, тот просиял:

— Чэн, ты наконец-то вернулся! Я так долго тебя ждал!

Голос полузверочеловека был мягким и манерным. Чэн Яня передернуло, но он заставил себя ответить:

— Бай, что тебе нужно?

Собеседник застенчиво прикусил край своей травяной юбки и прошептал:

— Я... я пришел поблагодарить тебя. Спасибо, что заступился за Е и помог прогнать этого Чу.

Чэн Янь вскинул бровь. Отодвинув сплетенные ветви, преграждавшие вход, он сухо бросил:

— Чтобы ты знал — я сделал это вовсе не ради Е.

В деле изгнания Чу прежний Чэн действительно сыграл не последнюю роль, ведь именно его слова об «отверженности богами» заставили толпу окончательно отвернуться от несчастного.

Чэн Янь вошел внутрь и уже собирался опустить занавес.

— Я знаю! — воскликнул Бай и проскользнул в пещеру следом за ним.

В полумраке его глаза влажно блеснули — казалось, он вотвот расплачется.

— Я знаю, Чэн, ты сделал это ради меня! Мне дороги и ты, и Е, я не хочу, чтобы вы ссорились. Теперь, когда Чу ушел, ты сможешь Е стать вождем, и мы втроем заживем вместе. Разве это не прекрасно?

«...»

Чэн Янь на мгновение лишился дара речи. Ему редко доводилось встречать людей с настолько причудливой логикой и столь откровенным желанием завести гарем.

Когда Бай потянулся к его руке, юноша резко отпрянул.

— Чэн... неужели ты не согласен? — полужверочеловек издал обиженный всхлип.

Чэн Янь едва сдержал гримасу. Ему хотелось немедленно вышвырнуть этого манипулятора вон, но ссориться в открытую пока не входило в его планы.

— Мне нужно отдохнуть, — бросил он. — Уходи.

Гость замер в недоумении. Обычно Е бывал с ним груб, но Уи всегда был кроток и послушен. Пусть Бай и считал Чэна постыдно слабым, статус Уи льстил его самолюбию.

Посмотрев в глаза Чэну, полужверочеловек смутно ощутил, что между ними пролегла невидимая трещина. Он решил, что тот просто приревновал его к Е.

«Ничего, — подумал Бай, — через пару дней он остынет, и я приду снова»

Успокоив себя этой мыслью, он вытер слезы и негромко произнес:

— Тогда... не буду мешать. Если тебе что-нибудь понадобится, ты всегда можешь меня позвать.

Чэн Янь продолжал хранить молчание, удерживая ветви. Бай бросил на него укоризненный взгляд и поспешно скрылся.

Картина этих запутанных отношений начала проясняться в сознании Чэн Яня.

«Что за нелепица? Зверочеловек Е и полужверочеловек Бай влюблены друг в друга. При этом Е держит при себе Чу, а Бай крутит и Е, и своим обожателем Чэном, желая заполучить всех сразу»

Один избавляется от соперника, видя в нем угрозу на пути к власти, а другой манипулирует поклонником, заставляя его устранять конкурентов для своего любовника. Для примитивного общества эти двое обладали на редкость изворотливым умом.

В изначальном сюжете носитель действительно помог Е стать вождем, но Бай в итоге бросил его, посчитав слишком слабым.

«Еще один несчастный влюбленный дурак», — вздохнул Чэн Янь.

Он прошел вглубь пещеры, решив отложить личные драмы на потом. С одной стороны, он не хотел вызывать подозрений резким разрывом с Баем, с другой — этот любитель усидеть на двух стульях еще мог ему пригодиться.

Сейчас важнее были травы.

Чэн Янь нашел тлеющий очаг, раздул огонь и зажег факел. Свет озарил внутреннюю стену, вдоль которой в полном беспорядке были навалены растения.

Чэн Янь во все глаза уставился на это безобразие.

«Боги... что за варварский способ обращения с травами!»

<http://bllate.org/book/15870/1500549>